BS 1474
.R8
1817

ПРЕЛОЖЕНІЕ ЕККЛЕСІАСТА

или

ПРОПОВѢДНИКА

ЦАРЯ СОЛОМОНА.

МОСКВА.

1817.

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

1669.

696
1622

Bible. O.T. Ecclesiastes
Russian

ПРЕЛОЖЕНІЕ ЕККЛЕСІАСТА

или

ПРОПОВѢДНИКА ЦАРЯ СОЛОМОНА.

BS1474
.R8
1817

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. 1817 года Генваря 26 дня. Книгу сію разсматривалъ Ординарный Профессоръ и Цензоръ *Михайла Снѣгиревъ*.

Печатано въ Типографіи С. Селивановскаго 1817 года.

90-103095
11/10/90

ПРЕЛОЖЕНІЕ ЕККЛЕСІАСТА.

ГЛАВА I.

Суетствій суета, Екклесіастъ речетъ,
Суетствій суета, все суетно течетъ!
Что человѣкъ въ трудахъ великихъ обрѣтаетъ,
Которыми себя подъ солнцемъ изнуряетъ?
Одинъ преходитъ родъ, другой за нимъ спѣшитъ,
Но та жъ всегда земля, во вѣки тажъ стоитъ.
Восходитъ солнце, то жъ и солнце западаетъ,
И паки на Востокъ прилѣжно поспѣшаетъ.
На Сѣверъ клонится, лія на Югѣ свѣтъ,
Единъ вращаяся по сферамъ вѣтръ течетъ.
Всѣ рѣки въ морѣ бѣгъ свой быстро устремляютъ,
Всѣ рѣки глубины морской не наполняютъ;
На мѣсто прежднее приходятъ вспять они
И паки рѣются въ источники свои.
Всѣ вещи суть трудомъ отягчены всечаснымъ,
И льзя ль изобразить труды глаголомъ яснымъ?
Ни око зрѣніемъ себя не насытитъ,
Ни ухо слышаньемъ себя не усладитъ.

Что было, будетъ тожъ; что есть, то впредь
случится;
И новое ничто подъ солнцемъ не творится,
Хотя бы кто сказалъ: се, новость вещь сія!
Но вѣки бывшіе ужъ видѣли ея.
Воспоминаніе минувшихъ истребилось,
Забудется и то, что въ наши дни случилось.
Екклесіастъ, я былъ въ Израилѣ царемъ,
Я сердце устремлялъ изыскивать о всемъ,
Дабы мнѣ въ мудрости испытывать не ложно,
Что въ поднебесной зрѣть и постигать возможно.
(Богъ смертнымъ далъ сей трудъ, горчайшій
трудъ въ ихъ дни,
Дабы заботились и мучились они.)
Я всяческое зрѣлъ подъ солнцемъ сотворенно,
Что зиждется подъ нимъ, все мною разсмотрѣнно.
То все есть суета, мутящая нашъ духъ,
Что криво, то прямымъ не можетъ быти вдругъ
И всѣхъ неполностей изчислить невозможно.
Глаголалъ въ сердцѣ я тогда неосторожно,
Се возвеличенъ я предъ всѣми, вознесенъ,
На высшую степень Премудрости взведенъ.
Всѣхъ паче, что до днесь въ Ерусалимѣ жили,
Мудрѣйшій сталъ, достигъ, куда не восходили.
Сердечно устремясь искусство испытать
И заблужденія старался познавать:

Обрѣлъ въ семъ знаніи великое ученье,
Что все есть суета и духа возмущенье!
Гдѣ больше мудрости, тамъ паче гнѣвъ кипитъ;
Кто къ знаніямъ прильнетъ, тотъ самъ себѣ вредитъ.

ГЛАВА II.

Рекъ въ сердцѣ я моемъ: утѣхи испытаемъ!
Вкушай благая вся, да сладость ихъ познаемъ!
Но и сіе ничто, суетствій суета!
Я рекъ: смѣхъ, буйство ты! веселье, ты мечта!
Помыслилъ моему вино позволить тѣлу,
Но сердце посвятить ученью мудрыхъ зрѣлу,
И чтобъ прельщенію дотоль не возбранять,
Доколѣ научусь безумство испытать,
Стараясь разсмотрѣть, что смертнымъ есть любезно,
И что подъ небомъ имъ пристойно и полезно.
Тогда дѣла мои умножить предпріялъ,
И винограды я и домы вновь создалъ.
Сады распространилъ съ различными древами,
Обремененными сладчайшими плодами;
Источниками водъ луга обогатилъ,
И прозябенія древесны напоилъ.

Всѣхъ паче былъ богатъ въ Ерусалимѣ жившихъ,
Сокровищи свои обильно расточившихъ.
Я множество имѣлъ рабынь, рабовъ тогда,
И агнцевъ и воловъ безчисленны стада.
Совокупилъ сребро и злато искушенны,
Сокровища царей и камни драгоцѣнны.
Согласны ликъ пѣвцовъ, пѣвицъ сладчайшій хоръ,
Всѣхъ сонмища утѣхъ, веселостей соборъ.
Я возвеличился въ Салимѣ предковъ болѣ,
И мудрость пребыла со мною на престолѣ.
Въ желаньяхъ ничего очамъ не возбранялъ,
Стремительности ихъ утѣхой насыщалъ;
И сердце въ радости въ то время погружалось,
Оно во мзду за трудъ весельемъ насыщалось.
Когдажъ на всѣ труды, на всѣ дѣла воззрѣлъ,
Смущенье духа въ нихъ и суету нашелъ.
Подъ солнцемъ что ни есть не пользуетъ ни мало!
Хотѣніе во мнѣ тогда сильнѣе стало
Безумство разсмотрѣть и мудрости красы.
(Такъ въ мірѣ семъ текутъ и всѣхъ царей часы;
Всѣ то же дѣлаютъ, что прежде ихъ творили,
Что прежде было ихъ, то люди повторили.)
Полезна мудрость намъ, безуміе намъ вредъ,
Позналъ я такъ сіе, какъ тьмы полезнѣй свѣтъ.
Въ главѣ суть очеса у мудрыхъ утвержденны,
Безумцы въ тьмѣ нощной проходятъ омраченны.

Но приключается и тѣмъ и симъ одно.
Рекъ въ сердцѣ я моемъ, случится мнѣ равно
Почто же мудростью превозношусь моею?
И то есть суета и все обьятъ ею!
Не въ вѣки мудраго здѣсь память сохранятъ,
И мудрыхъ и глупцовъ изъ мыслей истребятъ;
Ихъ память обоихъ конечно изчезаетъ,
Умретъ мудрецъ, умретъ, и глупый умираетъ.
И тако мой животъ весьма мнѣ омерзѣлъ,
Противно стало все подъ солнцемъ, что ни зрѣлъ.
Все суета суетствъ, что зрѣлось предо мною,
Смущающею духъ, явилось все мечтою.
Труды мои тогда противны стали мнѣ,
Позналъ, что собралъ я другому, не себѣ;
Наслѣдитъ кто по мнѣ имѣньями моими,
Безумецъ иль мудрецъ возобладаетъ ими?
Однако и сія мысль тоже суета,
Все привидѣніе и все одна мечта!
Внутрь сердца моего я началъ прилѣжати,
Чтобъ мой подъ солнцемъ трудъ со всемъ не уважати;
И всякій человѣкъ, кто мудро соберетъ,
Иному, не себѣ готовитъ и блюдетъ;
Тому, которой въ томъ ни мало не трудился,
И то есть суета. Весь духъ мой возмутился!
Что въ тяжести трудовъ обрящетъ человѣкъ,
Подъ солнцемъ проводя, со скорбью сердца вѣкъ?

Все время дней своихъ заботой наполняя,
Трудами цѣлый вѣкъ себя увеселяя,
И нощью сердце въ немъ не дремлетъ и не спитъ,
И то есть суета, все духъ его мутитъ!
Не лучше ль ѣсть и пить, трудомъ увеселяться,
И попѣченіемъ не мучась наслаждаться?
Но изъ руки Творца изходитъ все сіе.
Никто не превзошелъ мое въ томъ житіе,
Въ толикихъ роскошахъ никто не погружался,
Никто трапезою такой не наслаждался:
Понеже кто очамъ Всевидца угодитъ,
Тому премудрость Онъ съ веселіемъ даритъ.
А грѣшнику труды, заботы назначаетъ:
Другимъ, а не себѣ трудяся сей збираетъ,
Дабы оставить все тому, кто Богу милъ;
И то есть суета, мнѣ опытъ подтвердилъ.

ГЛАВА III.

Свой часъ назначенный вещь каждая имѣетъ,
Предначинаньями подъ небомъ часъ владѣетъ.
Есть часъ рожденія и часъ кончины есть,
Садить есть часъ, есть часъ сажденное изнесть.
Часъ убіенья есть и часъ есть врачеванья,
Часъ разрушенія и часъ есть созиданья,

Часъ плача горькаго, есть также часъ на смѣхъ,
Часъ возмущенія, часъ ликовъ и утѣхъ.
Часъ камни размѣтать, часъ камни собирати,
Часъ обнимать, и часъ объятья отдаляти;
Есть часъ сыскать, есть часъ лишаться и терять,
Есть часъ намъ соблюдать, есть часъ то отмѣтать.
Есть часъ раздранія, есть часъ и сшиванья,
Есть часъ молчанія, есть часъ словесъ вѣщанья.
Есть ненавидѣть часъ, есть также часъ любить,
Войны есть часъ, и часъ въ покоѣ сладкомъ жить.
Что пользы отъ труда тому, кто въ немъ томится?
Я все то разсмотрѣлъ, въ чемъ смертный здѣсь трудится.
Полезно и добро все дѣлать здѣсь въ свой часъ,
Къ познанью нашему представленъ міръ для насъ.
Хоть Божьихъ дѣлъ конецъ, начало, человѣки
Не могутъ всѣхъ постичь и обозрѣть во вѣки.
Я зрѣлъ, что лучше есть въ весельѣ сладкомъ жить
И добродѣтельнымъ во время жизни быть.
Кто отъ трудовъ обрѣлъ и пищу и веселье,
Тотъ отъ Всевышняго пріялъ благословенье.
Что Богъ ни сотворилъ пребудетъ вѣчнымъ то,
Дополнить иль отнять не можетъ ужъ никто.
Творитъ Всевышній, чтобъ лица его страшиться,
Что было, будетъ тожъ; что есть, то впредь случится.

Богъ премѣненное возобновляетъ самъ.
Взиралъ я также къ симъ подъ солнцемъ злымъ дѣламъ,
И видѣлъ, что въ судѣ неправда обитаетъ,
И вмѣсто истинны коварство обладаетъ;
Тогда помыслилъ я и въ сердцѣ тако рекъ:
Предъ Божій станетъ судъ всякъ жившій человѣкъ,
Злодѣй и праведникъ предъ нимъ не утаятся,
Часъ предпріятія, часъ дѣлъ тамъ обнажатся.
Я въ сердцѣ тако рекъ о всѣхъ путяхъ людей,
Что Богъ о истиннѣ имъ представляетъ сей,
Желая вразумить, дабы всѣ научились,
Коль близко ко скотамъ безумнымъ приложились.
Что приключается Адамлимъ всѣмъ сынамъ,
То жъ приключается различнымъ здѣсь скотамъ.
Какъ умираютъ тѣ, скотъ также умираетъ;
Дыханье равное въ нихъ купно обитаетъ.
Въ потребномъ человѣкъ скота не превзошелъ;
Я все поверженнымъ въ суетствіе нашелъ,
Въ едино мѣсто все идетъ и преселится,
Отъ праха взято все, во прахъ преобратится.
Кто знаетъ, въ небеса ль духъ человѣчь грядетъ?
Кто знаетъ скотскій духъ въ подземная ль войдетъ?
И такъ въ дѣлахъ своихъ есть лучше веселиться;
Се человѣка часть, не вѣсть, что впредь случится.

ГЛАВА IV.

Потомъ я, обратясь въ подсолнечный сей міръ,
Зрѣлъ утѣсненія, зрѣлъ мерзкій злобы пиръ.
Я видѣлъ рѣки слезъ, гонимыхъ, сокрушенныхъ,
И утѣшенія и помощи лишенныхъ,
Безсильныхъ убѣжать отъ рукъ гонящихъ ихъ,
Оставленныхъ отъ всѣхъ въ страданіяхъ своихъ.
Тогда умершихъ часть мнѣ лучшею явилась,
Предъ жившими еще, которыхъ жизнь томилась;
А нерожденные щастливѣе ихъ всѣхъ,
Не видѣли они живущъ подъ солнцемъ грѣхъ.
Зрѣлъ добрыя дѣла одними учиненны,
Отъ зависти другихъ какъ злые охужденны;
Все возмущаетъ духъ, все суета суетствъ,
Подсолнечный сей міръ различныхъ полонъ бѣдствъ!
Безумецъ руки сжавъ, самъ плоть свою снѣдаетъ.
Покоя горсть одна весьма превозвышаетъ
Держиму полными горстьми богатствъ мечту.
Я паки обратясь еще зрѣлъ суету:
Есть не имѣющій ни брата здѣсь, ни сына,
Бывъ безъ наслѣдниковъ и зря себя едина,
Не знаетъ бѣдный сей спокойствія въ трудахъ,
Сбираетъ утомленъ имѣнія въ алчбахъ,
Злой похоти очей своихъ не насыщаетъ,
И никогда о томъ въ себѣ не помышляетъ

Кому скопляетъ онъ толико злата грудь,
Кому достанется его томящій трудъ.
И лучше быти двумъ, чѣмъ быть всегда едину,
Они въ трудахъ найдутъ къ спокойствію причину;
Воздвигнется другимъ, когда единъ падетъ,
И такъ бѣда тому, кто самъ собой живетъ;
Онъ есть ли упадетъ, то кто его подыметъ?
Кто въ семъ паденіи участіе пріиметъ?
На ложе вмѣстѣ два согрѣты будутъ спать,
Но какъ единъ себя возможетъ согрѣвать?
Коль бѣдствуетъ единъ, два придутъ защищати,
А тресплетенну вервь не можно вдругъ прервати!
Убогій юноша имѣя мудрыхъ даръ,
Полезнѣй, нежели безуменъ Царь и старъ,
Который ничьего совѣта не примаетъ.
Берется тотъ отъ узъ, и царствомъ управляетъ,
А сей лишась вѣнца, удобенъ обнищать.
На всѣхъ ходящихъ я подъ солнцемъ сталъ взирать,
И зрѣлъ, что юношѣ они себя вручаютъ
И совокупно съ тѣмъ себя соединяютъ,
Которой долженъ взять свой царской санъ по немъ,
И не было конца предъ ними жившимъ всѣмъ,
Послѣдующи имъ не будутъ утѣшаться.
Суетствій суета, здѣсь долженъ духъ смущаться.

Блюди ноги твоей въ домъ Божій коль идешь,
Склоннѣй будь къ слышанью, чѣмъ къ жертвамъ, что даешь;
Безумцы въ нихъ свое вверяютъ упованье,
Не зная, что всѣхъ жертвъ есть лучше послушанье.

ГЛАВА V.

Размысли, и въ словахъ порывистымъ не будь,
Предъ Божіимъ лицемъ къ молчанью сердце нудь.
Богъ въ небесахъ живетъ, ты на земли стоиши,
И для сего уста свои да заградиши.
Какъ наступаетъ сонъ во множествѣ трудовъ,
Такъ глупость кроется среди обильныхъ словъ.
Не медли жертвовать, что Богу посвящаешь,
Стрегись невѣрности, воздай что обѣщаешь.
Весьма полезнѣе тебѣ не обѣщать,
Но вредъ великій есть обѣтъ не исполнять.
Не попущай устамъ въ грѣхъ приводити тѣло,
Не молвь предъ Ангеломъ о заблужденіи смѣло
Такимъ вѣщаніемъ Богъ будетъ прогнѣвленъ
И весь трудъ рукъ твоихъ въ ничто преображенъ.
Мечтанья сколько въ снахъ, въ рѣчахъ суетъ столь много,
Но ты Создателя и Бога бойся строго.

Когда въ какой странѣ убогій утѣсненъ,
Взирая на сіе не буди удивленъ;
И знай, что власть всегда надъ властью назираетъ,
А Вышній Царь царей за всѣми наблюдаетъ.
Старанье о землѣ есть главная цѣль намъ,
Со всѣми купно Царь служитель нивы самъ.
Алканье злата въ комъ, тотъ имъ не насытится,
Сокровищемъ богатствъ никто не насладится.
Богатство также есть единая мечта,
Смущенье духа въ немъ суетствій суета!
Кто изобиліемъ великихъ селъ владѣетъ,
Сѣдающи въ труды онъ множество имѣетъ;
Какую пользу въ томъ владѣтель ихъ имѣлъ?
Не ту ли, что на нихъ очами токмо зрѣлъ?
Трудолюбивый сна сладчайша цѣну знаетъ,
Хоть много, мало хоть отъ пищи онъ вкушаетъ;
Но пресыщеніемъ богатый гонитъ сонъ,
Отъ лѣности своей заснуть не можетъ онъ.
Еще тягчайшая бѣда подъ солнцемъ зрится:
Коль собранное кѣмъ ему жъ во зло хранится.
Когда въ неправдѣ кто имѣніе сберетъ,
Нищъ будетъ сынъ его, ему не соблюдетъ.
Изъ чрева матерня какъ вышелъ обнаженнымъ,
Такъ возвратится онъ, нагъ будетъ погребеннымъ;
Стяжаніе свое съ собою не возметъ
И въ руку ничего свою не заберетъ.

Се тяжкая бѣда; какъ вшелъ, такъ исхождаетъ,
Трудился онъ на вѣтръ, что пользы обрѣтаетъ?
Губя бо дни свои, во тьмѣ ихъ всѣ изъялъ,
Въ болѣзни и въ трудахъ и въ гнѣвѣ зломъ пылалъ.
И такъ добра есть вещь, позналь я то собою,
Чтобъ благо жить, ѣсть, пить изъ собранныхъ тобою,
И пользу извлекать изъ всѣхъ подъ солнцемъ дней,
Что даровалъ Творецъ для жизни здѣшней сей,
Оно тебѣ дано, въ твой жребій остается,
Въ обиліи богатствъ даръ Вышняго ліется.
Кому Господь далъ мощь въ трудахъ себя питать,
Его щедротами себя увеселять,
Тотъ дни немногіе сей жизни поминаетъ,
Понеже Богъ ему веселье удѣляетъ.

ГЛАВА VI.

Еще подъ солнцемъ зрѣлъ обычное людямъ,
Когда которому изъ нихъ Всесильный Самъ
Имѣнья множество, богатство дастъ и славу,
Послѣдуя благимъ судебъ своихъ уставу,
И можно ими всѣ желанья исполнять,
Все то имѣя въ нихъ, себя чѣмъ утѣшать;

Но есть ли Богъ не дастъ симъ власти наслаждаться,
Пришелецъ мужъ отъ благъ ихъ будетъ насыщаться.
Суетствій суета исполненна вреда,
Суетствій суета, се тяжкая бѣда!
И естьли бъ кто имѣлъ сыновъ сто порожденныхъ,
Живя лѣтъ множество, трудомъ обремененныхъ,
А отъ благихъ души не могъ быть насыщенъ,
И погребенія обычнаго лишенъ:
Скажу, что лучше есть плодъ мертвый изверженный,
Какъ древній старецъ сей, сѣдиной умащенный.
Извергъ съ рожденьемъ въ тьму паки отойдетъ,
И имя мракъ его забвеньемъ облечетъ.
Не зря прекраснаго блистанія свѣтила,
Не ощущалась имъ ко разумѣнью сила:
Онъ лучше почивать имѣетъ, нежель сей.
Двѣ тысящи хоть лѣтъ счелъ въ жизни кто своей,
А блага не сыскалъ себѣ онъ никакого,
Не въ мѣсто ли одно отходятъ? нѣтъ другаго.
Трудится человѣкъ токмо для устъ своихъ;
Но душу насладить не можетъ онъ чрезъ нихъ.
Что паче глупаго премудрый обрѣтаетъ?
И больше ль нищаго, что пищу испрошаетъ?
Есть лучше много кратъ желанную вещь зрѣть,
Чѣмъ ко незнаемой алчбой всегда горѣть.

Каковъ кто есть, ему такъ имя нареченно,
Что будетъ человѣкъ, и то несокровенно,
Не можетъ онъ никакъ въ судѣ съ сильнѣйшимъ
стать.
Что пользы смертному всѣ вещи могутъ дать?
Кто весть, что благо есть на свѣтѣ человѣку,
Въ различныхъ суетахъ его текущу вѣку?
Всѣ дни его бѣгутъ, подобно яко тѣнь;
И кто повѣдаетъ по немъ грядущій день?

ГЛАВА VII.

Честь, имя добраго, весьма благоухаетъ,
И ароматъ воню избранныхъ превышаетъ:
А смерти нашей день, въ которомъ кончимъ вѣкъ
Есть лучше дня, когда родится человѣкъ;
Домъ плача лучше есть домовъ увеселенья,
Картину зримъ мы въ немъ сей жизни пресѣченья;
Себѣ представя смерть подобныхъ намъ людей,
Слагаемъ въ сердцѣ мы понятіе о ней.
И лучше смѣха есть все то, что огорчаетъ,
Смущеніе лица въ насъ сердце исправляетъ.
Сердца Премудрыхъ суть въ болѣзненныхъ домахъ,
Сердца глупцовъ живутъ веселости въ мѣстахъ.

Полезнѣе людей безумныхъ пѣснопѣнья,
Сносить отъ мудраго упрѣки и прещенья.
Какъ терна подъ котломъ огнемъ палима трескъ:
Таковъ безумнаго веселый смѣхъ и плескъ.
Въ стѣсненіи мудрецъ безумцемъ становится;
Дары суть слѣпота, отъ нихъ въ насъ сердце
тлится.
Конецъ дѣянія начала лучше есть,
И лучше крѣпкихъ тотъ, кто скорбь удобенъ снесть.
Да никогда твой духъ гнѣвъ ярь не пореваетъ,
Всегда безумнаго онъ въ нѣдрахъ почиваетъ.
Не говори: почто дни первы лучше сихъ?
Не мудро сей вопросъ речешь въ устахъ твоихъ!
Добра премудрость есть имѣній пристяжанье,
И паче тѣмъ блага, кто солнца зрятъ сіянье.
Подъ сѣнію мудрости, подъ сѣнію сребра,
Почіетъ человѣкъ исполненный добра.
О сколь премудрость есть прекрасна, драгоцѣнна!
Къ тому приноситъ жизнь, кому она явленна.
Дѣла Всевышняго старайся разсмотрѣть,
Что самъ разрушилъ Онъ, кто можетъ обновить?
Въ день добрый будь въ добрѣ обильно насыщеннымъ;
Въ день злый старайся быть весьма остереженнымъ:
Понеже сей, противъ того, Богъ учинилъ,
Чтобъ человѣкъ себя грядущимъ не томилъ.

Я всяческая зрѣлъ во дни моихъ суетствій:
Здѣсь гибнетъ праведникъ за справедливость въ бѣдствій;
Бываетъ, что злодѣй лукавствуя живетъ
И въ беззаконіяхъ довольны дни ведетъ.
Не будь излишно правъ, премудръ не будь излишно,
Да въ гибель не впадешь вознесшись въ мысли пышно.
Нечестія, грѣха и злобы не твори,
Отъ нихъ безвременно сраженный не умри.
Добро сіе держать, сего не выпуская:
Кто Божій страхъ хранитъ, того не встрѣтятъ злая.
Премудрость мужа столь могущимъ учинитъ,
Что больше десяти Князей онъ сотворитъ.
Нѣтъ справедливаго въ семъ мірѣ человѣка,
Ктобъ благъ былъ, не грѣшилъ въ теченье здѣшняя вѣка!
Не всѣ слова людей во сердцѣ принимай,
Съ терпѣньемъ и рабовъ злорѣчіе внимай.
То совѣсть внутрь тебя довольно ощущаетъ,
Сколь часто твой языкъ другихъ огорчеваетъ.
Все испытавъ сіе чрезъ мудрость, я сказалъ:
Отъ нынѣ буду мудръ! — Но мудрость потерялъ!
Она сокрылася внутрь бездны преглубоко,
Кто найдетъ оную и чье постигнетъ око!

Я мыслію своей прилѣжно обзиралъ,
Дабы снискать ее, все то разумѣвалъ,
Въ чемъ есть она, и какъ, въ чемъ злоба, заблужденье,
Въ чемъ лесть безумнаго, въ чемъ глупаго надменье.
Нашелъ вещь горькую, горчайшу, нежель смерть,
Жену лукавую, у коей сердце сѣть
И руки хищныя ея силкамъ подобны;
Кто Богу угодятъ отъ ней лишь тѣ свободны,
Но грѣшникъ отъ ея ловитвы не уйдетъ.
Я и сіе нашелъ, Екклесіастъ речетъ,
Сравнивъ одно съ другимъ, чтобъ знаніе снискалось,
Того обрѣсть не могъ, чего душѣ желалось.
Едина въ тысящи я мужа изыскалъ;
Но вкупѣ изъ всѣхъ женъ жены не обрѣталъ.
Однако то примѣть, нашелъ я симъ стараньемъ,
Что добрымъ человѣкъ отъ Бога былъ созданьемъ;
Но мыслямъ разнымъ въ слѣдъ предался онъ потомъ.
Ктожъ можетъ въ мірѣ семъ равняться съ мудрецомъ?
Кто кажду вещь какъ онъ, толико постигаетъ?

ГЛАВА VIII.

Премудрость изъ лица людей возсіяваетъ,
А гордость зраки ихъ какъ темна ночь мрачитъ.
Всякъ наблюдая то, пусть осторожно бдитъ,
Чтобы законъ Царевъ прилѣжно сохранялся;
Но чтобъ и къ Богу долгъ чрезъ то не нарушался.
Ты предъ лицемъ Царя упорства не являй;
Сколь власть его важна, сего не забывай.
Гдѣ слово царское, тамъ мощь его бываетъ;
Кто вопреки ему свое сказать дерзаетъ!
Хранитъ велѣнье кто, тотъ не боится зла;
И мудрый сердцемъ вѣсть часъ, способъ на дѣла.
Понеже все свой часъ съ причиною имѣетъ:
Но лютая бѣда, прильнувъ къ людямъ, владѣетъ.
Нѣтъ знающаго все, что будетъ съ нимъ когда:
Кто возвѣститъ о томъ, случится что тогда?
Нѣтъ человѣка, ктобъ владѣть могъ жизнью сею,
Чтобъ душу удержалъ всей силою своею.
День смерти, власти сей его не подлежитъ;
Чѣмъ защитить себя въ бою семъ онъ не зритъ;
И грѣхъ безбожнаго отъ бѣдства не избавилъ.
Я все то ясно зрѣлъ, все то себѣ представилъ,
Когда къ тому свое я сердце прилагалъ
И сотворенное подъ солнцемъ разсмотрялъ.

Я часъ тотъ зрѣлъ, когда единый надъ другими,
Ко собственну вреду, владѣетъ нагло ими.
Я погребеніе людей безбожныхъ зрѣлъ,
Что съ славой умерли, оставя мерзость дѣлъ:
Но тѣ, изъ града что святаго отходили,
Забыты въ градѣ томъ, въ которомъ благо жили.
А и сіе ничто, суетствій суета,
Тѣнь исчезающа, все призракъ и мечта!
Не скоро злыхъ суды преступниковъ вершатся,
Успѣхи зря, въ слѣды ихъ прочіе стремятся.
Хоть грѣшникъ и стократъ злодѣйствія творитъ,
Месть отлагается, не вдругъ его разитъ.
Но знаю, что такихъ, кто Божій страхъ имѣютъ,
Благая будетъ часть, въ добрѣ они успѣютъ;
А нечестивому добра не можетъ быть,
Не можетъ злобы мужъ дни жизни сей продлить;
Все яко тѣнь предъ нимъ изчезнетъ и истнится;
За не сей мужъ лица Господня не боится.
Есть также суетность и на земли живетъ,
Которая благимъ казнь злобныхъ воздаетъ;
И нечестивца такъ, какъ праведна спасаетъ,
И въ семъ суетствіе мой духъ и зритъ и знаетъ.
Веселье должно здѣсь единое хвалить,
Въ утѣхѣ, въ радости живя и ѣсть и пить;
Подъ солнцемъ лучшее сіе для человѣка,
Се мзда трудовъ его въ теченье здѣшня вѣка.

Во время скорбныхъ дней, что здѣсь въ трудахъ живетъ,
Которыя ему подъ солнцемъ Богъ даетъ.
Хотя жъ я сердце далъ Премудрости въ познаньe,
Чтобъ испытать суетъ различныхъ волнованье,
Которыхъ на земли въ премѣнѣ разной зрятъ,
Для коихъ смертныя ни день, ни нощь не спятъ:
Но видѣлъ въ каждомъ здѣсь Всевышняго созданье,
Что всѣхъ подъ солнцемъ дѣлъ сокрыто основанье.
И тщетенъ смертныхъ трудъ всѣ тайны проникать:
Возможно ли кому подробно всѣ ихъ знать?
Пусть мудрый говоритъ, что онъ ихъ наблюдаетъ,
Не совершенный въ томъ успѣхъ онъ обрѣтаетъ.

ГЛАВА IX.

По истиннѣ, все то я въ сердцѣ уважалъ
И самому себѣ подробно объяснялъ,
Что праведникъ, мудрецъ, дѣла отъ нихъ творимы,
Могущею рукой Всевышняго держимы:
Любовь и ненависть не знаетъ человѣкъ,
Сокрытую въ вещахъ, живущихъ съ нимъ весь вѣкъ.
Всѣ приключенія для всѣхъ весьма подобны:
Что встрѣтитъ праведный, то также встрѣтитъ злобный.

Кто чистъ и кто не чистъ, одну имѣютъ часть,
Не жертвующъ и жрущъ одну несутъ напасть.
И добродѣтельный и злобный въ тожъ впадаетъ,
Клянущійся и тотъ, кто клятвы убѣгаетъ.
Сіе есть горестнѣй всего подъ солнцемъ зрѣть,
Что могутъ случаи всѣ равныя имѣть:
Сердца сыновъ людскихъ суть злобы лютой полны,
Кипятъ безумства въ нихъ ярящіяся волны;
Оно прильнуло къ нимъ во время жизни сей,
И съ ними въ гробъ идетъ какъ съ частію своей.
Когда къ числу живыхъ себя кто пріобщаетъ,
Надежду чрезъ сіе онъ внутренно питаетъ.
(Понеже песъ живой есть лучше, нежель левъ,
Которому ужъ смерть сомкнула лютый зѣвъ.)
Живущіе о томъ, что умереть имъ, знаютъ;
А мертвые уже надежды не питаютъ,
Не ждутъ они себѣ награды никакой,
Отъята память ихъ забвенія рукой.
Любовь ихъ, ненависть и рвеніе скончались;
Нѣтъ части имъ въ дѣлахъ, подъ солнцемъ что остались.
Вкушай съ весельемъ хлѣбъ, вино свое ты пей,
Благую мысль при томъ благодаря имѣй,
И знай, что Вышнему дѣла твои извѣстны.
Да будутъ на тебѣ одежды бѣлы, честны;

Елей главу твою обильно да маститъ,
И жизнь сію жена съ тобою раздѣлитъ
Любезная тебѣ, во все суетъ сихъ время:
Зане се жребій твой и облегченье бремя.
Все, что рука твоя удобна учинить,
Колико льзя тебѣ, потщися сотворить:
Ни упражненья бо, ни мысли никакія,
Ни разумѣнія, ни мудрости благія,
Извѣстно, вѣдаю, ты въ гробѣ не найдешь,
Во гробѣ, къ коему столь спѣшно ты грядешь.
Потомъ, когда еще съ вниманьемъ обратился,
Подсолнечный зря міръ и въ томъ я вразумился;
Не въ силѣ прыткихъ что бѣгъ скорый состоитъ,
Ниже во мужествѣ успѣхъ войны лежитъ;
Что не отъ власти жизнь премудрыхъ зависаетъ;
Что разумъ не всегда богатство обрѣтаетъ;
Не въ силѣ смысленныхъ почіетъ благодать:
Понеже случай то и часъ все могутъ дать.
Не видитъ человѣкъ свой часъ, того не знаетъ,
Но яко рыба въ сѣть ловящихъ увязаетъ;
Какъ птица емлется приманчивымъ силкомъ:
Ловимы люди такъ бываютъ злымъ часомъ,
Когда злый часъ на нихъ внезапу наступаетъ
И ихъ нечаянно во власть свою плѣняетъ.
Сверхъ сихъ зрѣлъ мудрость я подъ солнцемъ и сію,
Которою снискалъ великость я мою.

Градъ малъ съ немногимъ въ немъ числомъ граждань живущихъ,
Царь сильный облежитъ окрестъ твердынь тамъ сущихъ;
Безсильныхъ жителей желая всѣхъ плѣнить,
Валы огромные велитъ онъ возносить.
Обрѣлся въ градѣ семъ премудрый мужъ убогій;
Онъ мудростью своей спасъ жителей въ часъ строгій,
Хотя его никто воспомнить не хотѣлъ,
Никто къ убогому почтенья не имѣлъ.
А потому я рекъ: премудрость лучше силы,
Хоть мудрость и слова убогаго не милы;
Спокойно мудрыхъ рѣчь внимати надлежитъ,
И паче, нежель Князь народу говоритъ;
Премудрость лучше есть оружій всѣхъ военныхъ,
Но портитъ грѣшный мужъ благъ много полученныхъ.

ГЛАВА X.

Какъ мухи мертвыя врачебный тлятъ елей
И смрадъ приносятъ свой въ бальзамъ пріятный сей:
Такъ человѣкъ и мудръ и славою почтенный,
Малѣйшей глупостью бываетъ остыжденный.
Сердца премудрыхъ суть въ десной странѣ у нихъ;
Невѣжды въ лѣвой суть странѣ съ сердцами ихъ.

Когда безумецъ въ путь вступати начинаетъ,
То недостатокъ онъ сердечный обрѣтаетъ,
И шествуя тогда намѣреннымъ путемъ,
Невѣжество свое чрезъ то являетъ всѣмъ.
Когда владыки духъ противъ тебя возстанетъ,
Ты мѣста не оставь, доколѣ не престанетъ:
Смиреніемъ своимъ напасти отразишь
И множество грѣховъ терпѣньемъ побѣдишь.
Есть зло, которое подъ солнцемъ мною зрится:
Се заблужденіе отъ власти что чинится.
Чрезъ то глупецъ взведенъ на степени чиновъ,
А мудрый мужъ, забвенъ, сѣдитъ между рабовъ.
Я на коняхъ видалъ рабовъ и слугъ сѣдящихъ,
И славныхъ зрѣлъ Князей какъ слугъ пѣшеходящихъ.
Копаетъ яму кто, тотъ самъ въ нее впадетъ;
Кто разоряетъ тынъ, того змій угрызетъ;
Преноситъ камни кто, тотъ ими убіется;
Кто рубитъ древеса, въ опасность тотъ вдается;
Когда топоръ есть тупъ, рукой не изощренъ,
Трудъ посѣкателя тѣмъ будетъ удвоенъ;
Но мудрость все сіе исправити удобна,
Она всему помочь всечасно есть способна.
Предъ заклинаніемъ кого змій уязвилъ,
То заклинатель трудъ напрасно истощилъ.
Слова устъ мудраго пріятно услаждаютъ,
Но глупаго уста его же пожираютъ.

Начало словъ его безуміе явитъ,
Конецъ вѣщанія смущаетъ и блазнитъ;
Зане глупецъ слова безмѣрно расплождаетъ,
Хоть будущаго, что случится, онъ не знаетъ,
И слѣдствій словъ своихъ ни въ темнотѣ не зритъ:
Зане никто ему того не возвѣститъ.
До истощенья силъ безумный работаетъ;
Но къ цѣли никогда своей не достигаетъ.
Гдѣ юный царствуетъ, нещастенъ есть тотъ градъ:
Въ немъ Князи отъ утра въ бесѣдахъ средь прохладъ.
Гдѣ благородный сынъ Царемъ, страна блаженна!
Во время тамъ Князьямъ трапеза предложенна;
Не для обжирства тѣ вкушаютъ и піютъ,
Но силы подкрѣпить они къ столу грядутъ.
Въ жилищѣ лѣности стропилы покривленны,
Знакъ ослабѣвшихъ рукъ, домъ течью погноенный.
Къ увеселенію пиры всегда чредятъ,
Чтобъ жизнь возвеселить, вино піютъ, ѣдятъ,
Богатствами сіе веселье получаютъ,
И злато и сребро къ сему употребляютъ.
Злорѣчія Царю и въ мысли не чини,
Ни въ тайной храминѣ богатыхъ не кляни:
То птица разнесетъ по воздуху удобно,
Крылатое открыть слова твои способно.

ГЛАВА XI.

Пусти ты по водѣ свой хлѣбъ, не пожалѣй,
Чрезъ дни довольные весь хлѣбъ обрящешь сей;
Седьмымъ или осьмымъ отчисливши дай части,
Не знаеши бо ты земныя всѣ напасти.
Коль полны облака, то дождь изъ нихъ идетъ;
Коль древо къ сѣверу иль къ югу упадетъ,
На мѣстѣ, гдѣ оно упало, остается.
Не посѣваетъ тотъ, кѣмъ вѣтровъ бѣгъ блюдется,
Кто въ облака всегда старается взирать,
Не будетъ никогда обильно пожинать.
Какъ путь невѣдомъ тотъ, которымъ вѣтръ лѣтаетъ,
И то, какъ съ костью кость въ чреватой духъ сращаетъ:
Такъ дѣлъ Всевышняго не разумѣешь ты,
Когда творенія являетъ красоты.
Творитъ Всевышній то, что самъ опредѣляетъ;
Кто всѣ его дѣла изслѣдитъ и познаетъ?
Во утро сѣменемъ своимъ ты засѣвай
И ввечеру рукамъ покоя не давай,
Когда не знаешь, то, иль оное способно,
Иль купно все сіе полезно и удобно.
Сіяетъ сладко свѣтъ, пріятно солнце зрѣть.
Хотя бы человѣкъ могъ долгу жизнь имѣть,

Въ веселѣ, въ радости ея препровождая;
Но естьли во умѣ дни темны представляя,
Въ лѣта грядущія взоръ мысленный вперитъ,
Тогда въ протекшихъ дняхъ онъ мигъ суетъ узритъ.
Утѣхой юноша, бывъ младъ, ты наслаждайся,
Благими мыслями внутрь сердца напитайся,
Ходи въ сердечныхъ ты путяхъ всегда своихъ
И веселись очей взираніемъ твоихъ:
Однако знай, за все что нынѣ учинится,
Отвѣтъ воздашь тогда, какъ Божій судъ явится.
И такъ отъ сердца гнѣвъ совсѣмъ ты отдали
И зло отъ своего прочь тѣла отжени:
Понеже юность есть обильна суетою;
Спѣшитъ она, гонясь за тщетною мечтою.

ГЛАВА XII.

А потому Творца всечасно поминай,
Въ днѣхъ юности твоей о Немъ ты размышляй.
Доколь непридутъ дни, исполненны злыхъ бѣдствій,
Дни непріятные тебѣ отъ ихъ послѣдствій.
Доколѣ не затмѣнъ свѣтъ солнца предъ тобой,
Не помрачили блескъ луна и звѣзды свой,
И влагой облака обильно утучненны
Не будутъ по дождѣ обратно возвращенны.

Въ день тотъ подвигнутся блюдущи стражи домъ,
Престанутъ мужи силъ разслабленны трудомъ,
Мѣлющи въ жерновахъ въ работѣ изнемогутъ,
Бывъ малочисленны, служити не возмогутъ,
И помрачатся тѣ, которы въ окна зрятъ;
И двери со двора тогда внутрь затворятъ.
Со слабымъ гласомъ тѣ, мѣлющей заключатся:
Внявъ птицы пѣнію, всѣ встанутъ, пробудятся.
Пѣвицы сладостны не будутъ воспѣвать,
Принуждены совсѣмъ уставши замолчать.
Отъ высоты тогда во ужасѣ смутятся
И на пути они отъ страха убоятся.
Во время, какъ мигдалъ обильно зацвѣтетъ,
И пруги оному наносятъ тяжкій вредъ:
Тогда и кипарисъ разрушенъ возмятется;
Понеже человѣкъ въ домъ вѣчный предается,
Рыданіе о немъ по стогнамъ вопіетъ.
Доколѣ сребрянъ снуръ себя не перветъ,
Златая чаша вся доколь не разбіется,
Надъ водотечею ведро не распадется,
Которое всегда при кладязѣ стоитъ,
То колесо себя доколь не сокрушитъ:
И прахъ, какъ былъ предъ тѣмъ, во землю обратится
И паки съ Богомъ духъ, имъ данный, свединится.
Суетствій суета, Екклесіастъ речетъ:
Суетствій суета, все суетно течетъ!

Чѣмъ паче мудростью Екклесіастъ питался,
Тѣмъ паче разуму родъ смертныхъ научался;
Разсматривалъ себя, себя онъ познавалъ,
И притчей множество чрезъ то изобрѣталъ.
Имъ многи повѣсти различны изыскались,
Глаголы истинны и благи имъ вѣщались.
Премудрыхъ словеса подобны суть остнамъ,
Вонзеннымъ глубоко въ стѣнахъ домовъ гвоздямъ.
Явили мудрые слова тѣ изложенны,
Единымъ пастыремъ всѣ бывши наученны.
И такъ, мой сынъ! слова сіи воспоминай;
Довольно для тебя, лишь ты сему внимай;
Всѣхъ писанныхъ бо книгъ счисленіе безвѣстно.
Чтя книги многія, себя вредишь тѣлесно.
Но сумма та всего, что слышалъ ты, внимай:
Чти Бога и его законы сохраняй.
Въ семъ человѣкѣ свое все нужное имѣетъ:
Понеже бо сіе, что въ жизни онъ успѣетъ;
Зло или благо то, вѣявь, тайноль сотворитъ,
Всевышній приведетъ предъ судъ и обявитъ.

КОНЕЦЪ.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: June 2005

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 395 632 5